

Во дворе царила мёртвая тишина.

Му Ваньцин так и стояла неподвижно, с пустым взглядом, словно бездушная, прекрасная статуя.

Та живость и очарование, что исходили от неё благодаря Изначальной Сути Чувств, исчезли без следа, а их место заняло жуткое, леденящее душу предсмертное дыхание.

Эта безмолвная чума всё-таки настигла её.

Причём куда точнее и зловернее, чем в случае с обычными людьми.

Она не стерла её дух и душу напрямую, а заразила сердце ее Основы Пути — ту самую Изначальную Суть Чувств, что я ранее очистил.

Словно в чашу чистейшей воды упала капля туши.

Я протянул руку, и в моем ярко-золотом правом зрачке заструилась мощная сила Сотворения Мира.

Лучик золотого света вошел в межбровье Му Ваньцин.

Я попытался силой Сотворения Мира исправить ее поврежденную основу, воссоздать утраченные чувства и воспоминания.

Однако, проникнув в ее море сознания, золотой свет растворился, словно брошенный в грязь камень, мгновенно ассимилированный и поглощенный этой зловещей чернотой.

Не помогло.

Сила Сотворения Мира способна порождать жизнь и исцелять плоть, но она не может из ничего сотворить память и чувства.

То было уделом души и сердца.

Мои брови тяжело сошлись на переносице.

С тех пор как я слился с Эбрионом Меча Изначального Хаоса, я впервые почувствовал себя... в некотором затруднении.

Методы Посланника Бога и впрямь оказались весьма причудливыми.

Он избежал лобового столкновения со мной на уровне силы, избрав способ, к противостоянию которому я был наименее подготовлен.

Это напоминало мастера меча, который, сколь ни был бы высок его навык, не в силах единым взмахом клинка рассечь саму забывчивость.

Я на мгновение замолчал.

Затем я поднял левый глаз.

Зрачок этого черного, как Вечная Ночь, глаза резко сузился.

Раз уж Сотворение Мира бессильно, в ход пойдет Вечная Ночь.

Раз невозможно отыскать утраченное в бытии, следует проследить его истоки из небытия!

— Гум... —

Незримая область угасания и смерти, испустив центр из моей фигуры, бесшумно накрыла весь Город Тысячи Сокровищ.

На этот раз я не стал высвобождать разрушительную мощь Вечной Ночи.

Я лишь растворил свое восприятие в этой абсолютной пустоте.

В перспективе Вечной Ночи весь мир утратил краски и формы.

Вся материя, вся энергия обратились в ничто.

Продолжали существовать лишь самые первородные понятия.

Я «увидел», как весь город окутан незримой гигантской сетью.

Сеть эта была соткана из понятий, именуемых забвением и небытием.

Бесчисленные невидимые нити тянулись вниз от этой сети, соединяясь с душами каждого «живого мертвеца» в городе.

И все эти нити в конце концов сходились к единому источнику.

Я последовал за этими нитями, отслеживая их путь.

Мой взгляд пронзил наслоения зданий, пересёк шумные улицы и в конце концов зафиксировался в самом тусклом, неприметном углу на юге города.

Там притаилась крошечная чайная.

Вывеска заведения успела выцвести, и на ней кривыми иероглифами были выведены три слова: Обитель Мирской Суеты.

Самая заурядная чайная, настолько обыкновенная, что даже пройди мимо ее дверей сотню раз, никто бы не удостоил ее лишним взглядом.

В этот момент внутри чайной не было ни души.

Ни посетителей, ни прислужников.

Лишь горбун в серых крестьянских одеждах восседал на возвышении посреди чайной.

Перед ним стоял пустой стол, на котором темнела чашка остывшего грубого чая.

Обращаясь к рядам пустых мест, он в лицах и красках ведал какую-то историю.

— ...Сказано же, что та самая обезьяна Сунь была придавлена под горой Пяти Стихий на пятьсот лет: ветер обвевал ее, дожди омывали, в голод питалась она железными шарами, в жажду пила медную мешанку, и та несгибаемая гордыня в ее сердце давно истлела и стерлась в пыль. Пока в один прекрасный день монах на белом коне не явился из Великой Тан на востоке...

Голос его был хриплым, ровным, но таил в себе странную, колдовскую силу.

Казалось, он рассказывал вовсе не вымысел, а происходящую наяву, подлинную историю.

Он и был центром этой сети забытья.

Он и был Посланник Бога.

В тот самый миг, когда мое духовное сознание зафиксировало его, оно, не таясь и подобно

выскользнувшему из ножен клинку, свирепо вонзилось вперед!

Однако, приблизившись к чайной на три чи, мое духовное сознание словно натолкнулось на невидимую стену и мгновенно рассеялось без следа.

Внутри чайной пространство казалось обособленным, словно отгороженным от остального мира.

Странствующий рассказчик историй на помосте внезапно... умолк.

Он медленно поднял голову.

То было донельзя простое лицо, затеряйся оно в толпе — ни за что не сыщешь.

Но глаза его горели поразительным, пугающим блеском, словно в них таились превратности и предания бесчисленных миров.

Его взгляд, казалось, преодолел преграды пространства, пронзил стены поместья и столкнулся нос к носу с моим.

Затем он улыбнулся.

В этой улыбке сквозило понимание и игривость — словно искусный игрок дождался наконец давно желанного соперника.

— Уважаемый гость, —

произнес он, и пусть голос звучал негромко, но он отчетливо прозвучал прямо в моей голове. —

В искусстве повествования тоже есть свои завязки, кульминации и развязки.

Так спешить и вламываться прямиком за кулисы... знаете ли, дурной тон.

Едва его слова затихли.

Я отчетливо ощутил, как область Вечной Ночи, распростёртая мной над всем Городом Тысячи Сокровищ, внезапно... начала терять стабильность!

Окутывавшая весь город сеть забытья не только не поддалась влиянию моей силы, но напротив, ринулась в контратаку, поглощая мои владения!

Словно сама история пыталась «вписать» в свое повествование и мою «реальность»!

Вот ведь хитрец!

Использует истории в качестве владений, а нарратив — в качестве законов!

Сила этого Посланника Бога и впрямь поразительно чудна!

Я холодно фыркнул, и черный левый зрачок озарился вспышкой света угасания!

— Передо мной нет никаких правил!

Сила сферы Вечной Ночи была доведена мной до предела, насильственно закрепив позиции, и устремилась в безумную контратаку!

— Гул! —

Беззвучное, но до крайности опасное столкновение на уровне концепций вмиг всколыхнуло небеса над Городом Тысячи Сокровищ!

Обычные люди не замечали ничего.

Но в глазах таких фигур, как старый монах Ку Жун, небеса над Городом Тысячи Сокровищ разделились надвое: с одной стороны лежала абсолютная тьма, пожиравшая любой свет и само бытие.

С другой же клубился пепельный, полный непредсказуемости туман Нарратива Мириада образов, сотканный из бесчисленных историй и переплетенных судеб.

Две совершенно разные силы законов яростно сталкивались, поглощали друг друга и обращались в ничто!

Внутри чайной.

Улыбка на лице рассказчика историй наконец слегка померкла.

В его глазах мелькнуло удивление.

— Противостоять моему Нарративу Мириада образов с помощью абсолютного небытия... занято.

Похоже, нынешний носитель Эбриона Меча Изначального Хаоса куда более хлопотный противник, чем я предполагал, —

пробормотал он про себя.

Затем он взял ту самую остывшую чашку чаю и сделал легкий глоток.

— Что ж.

Раз уж уважаемый гость так жаждет услышать продолжение...

Тогда я поведаю другую историю, которая заинтересует тебя куда больше, идет?

Он опустил пиалу, и деревянный брусок в его руке звонко стукнул о стол.

— Хрясь! —

Резкий звук отчетливым эхом отозвался в моей душе.

В следующий миг пейзаж перед моими глазами стремительно переменился!

Исчезли дворцовый сад и безмятежная Му Ваньцин.

Я обнаружил себя стоящим в знакомом и в то же время чужом месте.

В современной лаборатории, уставленной всевозможными приборами.

А напротив меня стоял и улыбался средних лет мужчина интеллигентной наружности в белом халате и очках в золотой оправе.

— Сяо Цинь, — мягко произвел он, — данные этого эксперимента просто безупречны.

Ты станешь первым человеком, что изменит историю человечества.

Мои зрачки резко сузились.

Эта картина...

Этот человек...

Мой научный руководитель в том самом НИИ, где я работал до перемещения в этот мир!

А прозвище Сяо Цинь — мое давно позабытое имя на Земле.

Посланник Бога... втащил меня в воспоминания моей прошлой жизни!

Он принимался рассказывать мне...

Историю. Обо мне самом.

<http://bllate.org/book/19533/1915356>